

смирения и т. д. Более того, эта метафора дает возможность описывать и удерживать как существенную эту ситуацию «дополнительности», не стараясь ее «снять» или «разрешить».

4. Через «механизм» уподобления преломляются не только онтологические и этические концепции александрийцев, но и их гносеология и герменевтика.

К. В. ЛОЩЕВСКИЙ

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИМЕНИ В КОНТЕКСТЕ НЕОПЛАТОНИЧЕСКОЙ КОСМОЛОГИИ

Обращаясь к вопросу о статусе и происхождении имени, Прокл кладет в основание своих последующих рассуждений следующий тезис («Procli Diadochi in Platonis Cratylum commentaria», XII, 1–4): «и те имена, что существуют по природе, причастны тому, что по установлению, и те, что существуют по установлению, причастились к тому, что по природе, и поэтому все имена существуют по природе и все по установлению: с одной стороны, по природе, а с другой, по установлению (τὰ ὀνόματα, καὶ <τὰ> τό φύσει ἔχοντα τοῦ θεσει μετέχει, καὶ τὰ θεσει ὄντα καὶ τοῦ φύσει μετέληφεν· καὶ διὰ τοῦτο τὰ ὀνόματα πάντα φύσει καὶ πάντα θεσει, καὶ τὰ μὲν φύσει τὰ δὲ θεσει)». Таким образом, вслед за Платоном Прокл констатирует принципиальную онтологическую двойственность имени: в каждом отдельно взятом эмпирическом имени можно выделить два самостоятельных аспекта, которые только в своей неразрывной совокупности составляют имя как факт языка — означаемое (существующее по природе) и означающее (существующее по установлению).

В соответствии с этим любое рассмотрение имени как со стороны его внутренней сущности, так и со стороны его функционирования в речевой и интеллектуальной деятельности обязательно должно учитывать эту его универсальную и основополагающую

структурную характеристику. Имя не только может, но и должно быть исследовано как в своем «физическом», так и в своем «тетическом» аспекте. Именно синтез обеих фундаментальных точек зрения на природу и происхождение имени открывает возможность построения «единой теории имени», на основании которой только и может быть развернута предшествующая всякой подлинной диалектики радикальная и последовательная критика языка, необходимость которой очевидна для Прокла в той же мере, что и для Платона.

Вслед за Платоном Прокл приступает к последовательному исследованию обоих основных тезисов протагонистов «Кратила» — Кратила и Гермогена, — возводя их к положениям их идейных предшественников, соответственно Пифагора и Демокрита (параллельно определяя в стан сторонников Кратила Эпикура, а в стан сторонников Гермогена Аристотеля). Тезис Пифагора, к которому в конечном счете восходит концепция «естественного» происхождения имени, выглядит в изложении Прокла следующим образом («Procli Diadochi in Platonis Cratylum commentaria», XVI, 5, 25–7, 17): «Самое мудрое из сущего — число, а вторым по мудрости является тот, кто установил вещам имена». Даваемая Проклом развернутая интерпретация этого тезиса направлена прежде всего на установление действительного места и роли имени в общей структуре космоса (понимаемой, естественно, в пифагорейски-платоническом ключе), в результате чего должен быть выяснен «природный», а не случайный характер, как говорит Прокл, «имяделания» (τὸ ὀνοματουργεῖν), или лежащего в основании всякой позднейшей номинации первоначального именования. Согласно Проклу, под числом Пифагор имеет в виду Ум, «мыслимый распорядок, охватывающий множество мыслящих видов», т. е. то умопостигаемое подлинно сущее, множественность которого обусловлена его «раздробленностью бытием», т. е. наличием в нем иного, а единство — непосредственным воздействием сверхсущего Единого: «ведь там, за сверхсущим единым существует первое и в собственном смысле число (ὁ πρῶτος καὶ κυρίως ἀριθμός), которое уделяет всем сущим меру сущности (τὰ μέτρα τῆς ὀνοίας), в котором истинная мудрость и знание (ἡ ὄντως σοφία καὶ ἡ γνῶσις)». Под тем же, кто установил имена, Пифагор, согласно Проклу, понимает Душу, представляющую собой онтологический

уровень, следующий непосредственно после (ἄπό) Ума. Имена суть не вещи, как первый ум (т. е. идеи), а их изображения (εἰκόνες), преходящие (διεξόδοικοι λόγοι) логосы, которые не представляют собой какой-либо сущности, а лишь ей подобны (ὁμοιωθεῖς). Имена являются изваяниями сущих вещей (ἀγάλματα τῶν ὄντων), мыслящими видами (τὰ νοερά εἶδη), подражающими (ἀπομιμούμενα) числам. Поэтому если бытие исходит от самого себя познающего Ума, то именование — от подражающей Уму Души. Следовательно, хоть онтологический статус имени и не столь высок, как статус вещи в подлинном смысле (т. е. идеи), тем не менее он жестко детерминирован всей структурой космоса, а именование, если его результатом является возникновение функционально релевантного имени, совершается не случайно или произвольно, а в соответствии с природой и структурой подлинно сущего: «Не случайно имяделение (τὸ ὀνοματουργεῖν), но совершается тем, кто взирает на ум и природу сущих».

Таким образом, акт первоначальной номинации аналогичен демиургическому акту «Тимея» (с той лишь разницей, что он совершается на более низком онтологическом уровне: в «Тимее» Ум является одновременно и образцом и демиургом, а в данном случае роль демиурга выполняет Душа), а это предполагает, что и этот акт описывается основополагающей схемой «Тимея»: образец (παράδειγμα) — материя (ὑλησφρα) — изображение (εἰκόν) — творец (δημιουργός). Душа подражая идеальному образцу — Уму и используя в качестве материального субстрата находящееся в процессе постоянного становления иное — Тело, создает некое изображение этого Ума (т. е. вещей в их подлинном, по Платону, идеальном смысле), которое есть Имя (первое и в подлинном смысле имя — по аналогии к первому и в подлинном смысле числу). Статус этого изображения ниже, чем статус вещи, но и оно непосредственно причастно подлинной сущности, или природе вещей, а следовательно, мы ни в коем случае не можем говорить об имени и о языке (понимаемом в первом приближении сугубо синхронически — как совокупность имен-слов) как о феноменах, целиком ориентированных на эмпирию, ибо любая эмпирия есть прежде всего опыт иного, а непосредственным идеальным образцом для имени служит вещь в своем подлинном смысле (т. е. идея), а отнюдь не ее феноменальное, доступное чувствам прояв-

ление. Имя существует параллельно эмпирической вещи, оно во все не вторично по отношению к ней и, если следовать рассмотренной выше универсальной схеме, обладает по крайней мере равным с ней онтологическим статусом. Причиной феноменального характера имени и языка в таком случае является не их ориентация на мир опыта и соответственно на присущее этому миру иное, а тот факт, что этот мир и это иное выступают в качестве того материала, при помощи которого именователь (Душа) подражает идеальной сущности.

Схема «образец (идея) — материя (феноменально данное) — изображение (космос) — творец (душа)» применительно к акту номинации может быть рассмотрена как схема «изображаемое (означающее) — материал для изображения — изображение (означающее) — тот, кто изображает, означает (а в конечном счете просто использует знак)». Понятно, что в данном случае именователь связан исключительно идеальным образцом и абсолютно свободен в выборе тех материальных средств, при помощи которых он ему подражает. А это, в свою очередь, означает, что связь между означаемым и означающим (в его материальном аспекте) весьма условна и определяется теми или иными конкретными (мы бы сказали «субъективными») предпочтениями именователя. Таким образом, существуя по природе, имя в то же время существует и по установлению, причем весьма произвольному, ибо связующим звеном между означаемым как идеальным аспектом имени и означающим как его материальным, феноменальным аспектом выступает, говоря современным языком, воля номинатора. Более того, именно произвольный характер связи между означаемым и означающим позволяет имени сохранить свою идеальную природную правильность, заключающуюся в структурном соответствии совокупности идей как в подлинном смысле сущего и совокупности имен, взятых в их умопостигаемом, идеальном аспекте.

Поэтому критика Проклом «тетической» точки зрения на происхождение имен связана прежде всего с тем, что ее приверженцы распространяют принцип произвольности означающего и его независимости от означаемого на все имя в целом. В качестве главных аргументов конвенционалистов Прокл приводит четыре эпихейремы Демокрита, в которых, как представляется противникам теории «природного» происхождения имени, сформулиро-

ваны присущие данной теории апории, не поддающиеся в ее рамках сколь-нибудь удовлетворительному разрешению: 1) омонимия: различные вещи называются одним и тем же именем, следовательно, имена существуют не по природе; 2) полионимия: если различными именами именуется одна и та же вещь, то невозможно, чтобы все эти имена существовали по природе; 3) перемена имени: один объект может первоначально именоваться одним именем, а впоследствии другим; каким же образом это явление может иметь место, если имена существуют по природе? 4) отсутствие подобного: почему из одних имен мы образуем производные части речи, а из других нет? Следовательно имена случайны, а не существуют по природе.

Опровергая эти утверждения, Прокл вслед за Платоном апеллирует к этимологии тех или иных греческих слов, что служит свидетельством того, что по его мнению данные эпихейремы затрагивают имя исключительно в его феноменальном аспекте (т. е. означающем), полностью упуская из виду его умопостижимый, идеальный аспект (т. е. означаемое). Обращение к этимологии (неважно, наивной или основательной, как мы сказали бы, научной) всегда предполагает «природную правильность» имени, основывающуюся на опыте феноменального мира, на том, что выше было обозначено как «этическая референция имени», т. е. в конечном счете на экспликации неистинных, мнимых, кажущихся связей сущего, понимаемого в данном случае как совокупность «фрагментов данной чувствам действительности», конституирующихся в опыте «смысловых единств», т. е. истолкований этого самого опыта, исходящих из фундаментальной (и в корне ошибочной с платонической точки зрения) интерпретации сущего как того, что находится в непрерывном движении и не имеет какого бы то ни было твердого основания.

Случайность и необязательность, на которую указывают эпихейремы Демокрита, характеризует взаимоотношение между означаемым и означающим. Но такой характер этого взаимоотношения не только нисколько не опровергает тезис о «природной правильности» имен, а наоборот, как уже указывалось выше, даже служит необходимой предпосылкой означенной правильности. Таким образом, даваемые Проклом опровержения тезисов Демокрита (а значит, и сами эти тезисы) представляют собой еще

один шаг на пути построения синтетической теории имени, учитывая обе главных его аспекта. И сами эпихейремы и их опровержения в равной мере необходимы для критики эмпирического, ориентированного на опыт феноменального мира, а значит, на опыт иного языка. Лишь в результате этой критики в самом языке может быть обнаружена его подлинная идеальная структура, благодаря которой сам язык может использоваться не только для артикуляции опыта, но и как средство диалектического, т. е. ориентированного на подлинно сущее, рассуждения.

Опровергая первую эпихейрему, Прокл указывает, что омонимия, т. е. фонетическое, а следовательно, представляющееся таковым чувствам тождество никоим образом не может быть аргументом против утверждения природного происхождения имени, ибо одинаково звучащие звуки имеют в то же время различное происхождение: в данном случае мы имеем дело с разными (ибо различны их референты) именами (причем не только как означаемыми, но и как означающими), которые лишь случайно, в силу различных обстоятельств приобрели сходный внешний облик. Омонимия присуща исключительно означающим, звуковым комплексам, возникшим как результат интерпретации определенного опыта, тогда как для означаемых (как идеальных референтов имени) характерна строгая однозначность, основывающаяся на жестком соответствии совокупности имен (в их идеальном аспекте) структуре подлинно сущего. Установление имен как определенных звуковых комплексов представляет собой интерпретацию и артикуляцию телесно-чувственного опыта, руководствующуюся не знанием самих вещей, т. е. идей и существующих между ними действительных структурных связей, а ориентированную на обнаружение и фиксацию, как правило, случайных и не обусловленных действительным положением вещей (т. е. идей) сходств и совпадений, наблюдаемых в явлениях мира повседневного опыта. А это значит, что в данном случае речь может идти лишь об имени в его «этическом», но никак не идеальном аспекте (Ясно, что в приводимом Проклом примере — имя ἔρως, указывающее на различные вещи, происходит от имен ῥόμη (сила) и πτερόν (крыло) — ни ῥόμη, ни πτερόν, не являются референтами имени ἔρως, а стало быть, речь идет здесь о метафорике, если угодно, о поэзии, основывающейся не на знании сущего, а на предшествующей всякой

логике рода и вида и характерной для обыденного опыта «прото-логике сходств»). Для того же чтобы объяснить, каким образом имя могло бы иметь два и более идеальных референта (а именно это могло бы поколебать теорию «природного» характера имени), требуется совсем иная аргументация, нежели та, к которой прибегает Демокрит (и его последователи), а именно аргументация, базирующаяся не только на интерпретации тех или иных чувственных данных, но прежде всего на определенном фундаментальном истолковании взаимоотношения структуры подлинно сущего и структуры феноменального мира.

В том же ключе выдержано и приводимое Проклом опровержение второй эпихейремы Демокрита. Оно целиком и полностью основывается на том, что имя указывает не на сущее в его умопостигаемом аспекте, не на его эйдос, а на тот или иной характерный для него признак, согласно которому это сущее может быть идентифицировано как нечто особенное. Μέροϋ и ἄνθρωπος могут обозначать человека, поскольку каждое из этих имен указывает на его определенный признак, становящийся решающим в зависимости от конкретной ситуации и намерений именователя. Поскольку человек обладает расчлененной (μεμερισμένη) жизнью, он — μέροϋ, а поскольку взирает вверх на то, что он видит (ἀναδρεῖν ἄνω), он — ἄνθρωπος. Понятно, что и в этом случае речь не может идти об идеальном референте имени — подлинном логосе; место подлинной сущности вещи занимает здесь один из ее наиболее заметных признаков, репрезентирующий всю вещь целиком и обнаруживаемый в непосредственном опыте и его достаточно некритическом истолковании, а не в ходе логической и диалектической критики этого опыта. Следовательно, и этот конвенционалистский аргумент обнаруживает свою несостоятельность.

То же относится и к третьей эпихейреме Демокрита, подвергающей сомнению теорию природного характера имени на том основании, что некоторые объекты в различное время именуется по-разному. В интерпретации Прокла это обстоятельство объясняется тем, что существуют имена, установленные незаконно и вопреки природе (τὰ οὐ κηρίως καὶ παρὰ φύσιν κείμενα), которые мы меняем на те, что этой своей природе соответствуют. Очевидно, что в данном случае эта «незаконность» и «противность природе» может быть истолкована в двух смыслах. Во-первых, можно предположить, что эти «незаконные» имена суть имена, «непра-

вильные» в своем идеальном аспекте, т. е. имена лишены идеального референта и обладающие исключительно референтом «этическим». В таком случае их изменение, т. е. приведение в соответствие с подобающими им идеальными референтами несомненно было бы важным предварительным этапом диалектического рассуждения и входило бы в круг непосредственных задач диалектика. Однако столь же очевидно и то, что изменение внешнего облика имени никак не может быть связано с «подлинной (т. е. идеальной) правильностью» имени, ибо последняя заключается не в сходстве означающего с означаемым, а в структурном соответствии последнего со своим идеальным референтом, т. е. с самим сущем в подлинном смысле. Кроме того, неясно, каким образом такого рода «незаконные» имена вообще могут функционировать в качестве имен, т. е. обнаруживать и разделять сущее. Такие сугубо конвенциональные имена представляли бы собой чистую манифестацию иного, ибо сущность вещи, ее идея может быть связана со своим обозначением лишь идеально, т. е. структурно, поскольку в ином случае ее идеальность, тождественность неизбежно зависела бы от природы означающего, т. е. телесно-чувственной стороны знака, а следовательно, от природы иного. Ведь правильность, основанная на некоей «сущностной» связи между означаемым и означающим всегда оборачивается произволом и субъективизмом именователя, а другой, «природной правильности» у них по причине отсутствия идеального референта нет и быть не может. Такое имя не только не могло бы служить для разделения (т. е. структурирования) сущего, но, напротив, служило бы непреодолимой помехой на пути всякого истинного познания.

Поэтому очевидно, что и в данном случае «неправильность» и «незаконность» имени относится лишь к той связи, которая существует между телесно-чувственной стороной имени как языкового знака (означающим) и его «этическим», т. е. ориентированным на опыт феноменального мира референтом. Имя может быть «незаконным» в том смысле, что означающее, которое представляет собой результат подражания какой-либо стороне (или совокупности отдельных черт) определенного эмпирического сущего, не в достаточной мере «сходно» с этим самым эмпирическим сущим, в результате чего субъективизм и произвол, сопровождавший данную

номинацию становится столь очевидным, что само имя оказывается «противным» природе (ибо $\eta\theta\omicron\varsigma$ также представляет собой природу вещей, хотя и природу иного рода, нежели идея). Именно это обстоятельство и позволяет Проклу объявить, что указанная эпихейрема не только не свидетельствует против теории «природного» происхождения имен, а, напротив, даже подтверждает ее: сам факт переименования говорит о том, что именование, ориентирующееся исключительно на соглашение, т. е. на принятие языковой инновации говорящими, может быть принципиально ошибочным и нуждаться в коррекции в соответствии со сведенным в некое единство и зафиксированным в нем опытом.

Опровержение четвертой эпихейремы Демокрита также в конечном счете основывается на понимании нетождественности имени как такового и его телесно-чувственного проявления — определенного звукового комплекса. Утверждение, что «нет ничего удивительного, если изначально установленное имя утрачено из-за давности времени», подразумевает, что изначально все «реальные» референты (как идеальные, так и параллельно им «этические») имели свои языковые соответствия, однако с течением времени некоторые из этих соответствий были «забыты», т. е. оказались вытесненными за пределы поля актуального употребления. Понятно, что означающие могут быть забыты лишь в том случае, если перестают существовать соответствующие им означаемые. Идеальный референт имени не подвержен изменению и уничтожению, однако его связь с означающим отнюдь не очевидна, а, напротив, может быть установлена лишь в результате серьезной диалектической работы. Тогда как референт «этический», представляющий собой результат интерпретации определенного опыта, может меняться и даже уничтожаться в силу принципиальной изменчивости и уничтожимости как самого опыта, так и его предмета — феноменального мира. Исчезновение «этического» референта (забвение определенного сегмента опыта) ведет к тому, что, с одной стороны, возникает лишенное соответствующего ему означаемого («этического», т. е. очевидного для самих говорящих) означающее, а с другой, к тому, что идеальное означаемое, связь которого с означающим не может удостоверить никакой опыт, остается без своего языкового соответствия. Такая ситуация приводит к «забвению», с одной стороны, телесно-чувственного озна-

чающего, а с другой, идеального означаемого, которое может быть реконструировано (т. е. поставлено в соответствие тому или иному означаемому) только посредством умозрения, освободившегося от власти ориентированного на опыт языка. Что же касается «забытого» означаемого, то его судьба целиком и полностью зависит от актуальности того опыта, интерпретацией которого оно являлось. Сам факт «забвения» имен свидетельствует о наличии некоей «сущностной» связи между означаемым и означающим, а значит, о том, что этот процесс никак не связан с вопросом о «природной (в смысле: идеальной) правильности» имен. Таким образом, все эпихейремы Демокрита сводятся к отождествлению конвенционального (произвольного) характера имени и его «природной правильности», понятой как результат подражания тем или иным сегментам данного в опыте мира. В этом смысле имя действительно произвольно, случайно, но такой его характер ни в коей мере не исключает того факта, что, существуя по установлению, имя в то же самое время и в более глубоком смысле существует по природе, понятой как неуничтожимое бытийное основание всякого эмпирического сущего.

Однако утверждение такого рода природного характера имени требует более точного прояснения вопроса о том, что, собственно, означает «существование по природе» и в каком смысле имя есть φύσει ὄν. Прокл дает подробную классификацию всех возможных φύσει ὄντα, а также указывает, какое место в такой классификации отводили имени крупнейшие исследователи такого вопроса прошлого (Эпикур, Кратил, Сократ). Выяснение вопроса о «характере природности» природного существования имени необходимо именно потому, что только ответив на него, можно понять, каким образом имя, существуя по природе, может в то же время существовать и по установлению.

Прокл выделяет следующие способы существования природного сущего («Procli Diadochi in Platonis Cratylum commentaria», XVII, 7, 18–8, 14): 1) как целые сущности животных и растений (ἀ τῶν ζώων καὶ φύτων οὐσίαι ὅλαι) и их части; 2) как их действия и силы (ἀ τούτων ἐνέργεια καὶ δυνάμεις), такие как легкость и теплота огня; 3) как тени и отражения в зеркалах (ἀ σκιαὶ καὶ ἀ ἐμφάσεις ἐν τοῖς κατόπτροις); 4) как искусственные изображения, соответствующие (подобные) своим первообразам (ἀ τεχνηταῖ

εἰκόνας ἐοικῆσαι τοῖς ἀρχετύποις ἑαυτῶν). Понятно, что в основе любого определения и любой классификации φύσει ὄντα, а также того, к какому их классу следует отнести определенное сущее, должно лежать определенное понимание того, что такое сама та φύσις, природа, определяющая бытие тех или иных вещей. И в этом отношении данная классификация позволяет сделать вывод о том, что Прокл понимает здесь φύσις по крайней мере в двух смыслах: 1) вслед за Аристотелем как причину и исток целенаправленного движения и роста сущего, которому она присуща первично, сама по себе, а не по случайному совпадению; так понятая природа вещей, определяет прежде всего тот способ, каким вещи «ведут себя» или «действуют», т. е. являются в качестве феноменов, проявляя те или иные присущие им свойства, с которыми приходится сталкиваться и которые необходимо учитывать в каждодневной человеческой практике; 2) в чисто платоновском смысле как умопостигаемую основу всякого эмпирического сущего, как само в подлинном смысле сущее — эйдос или идею. Нетрудно заметить, что такое расширенное понимание позволяет отнести к ὄντα κατὰ φύσιν и такое сущее, которое традиционно (ср. Аристотель. Физика, В1, 113а) относят к ὄντα κατὰ τεχνην. Если Аристотель говорит об искусственном, т. е. неприродном характере таких вещей, как «ложе, плащ и прочие предметы подобного рода, которые, поскольку они соответствуют своим наименованиям и образованы искусственно, не имеют никакого врожденного стремления к изменению или имеют его лишь постольку, поскольку они оказываются состоящими из камня, земли или смешения этих тел», то в данной интерпретации Прокла такие вещи вполне могут быть отнесены к сфере природного сущего. При этом единственным условием их природности, а следовательно, принципом, в соответствии с которым они относятся к определенной сфере сущего оказывается не способ их происхождения (спонтанный или детерминированный внешним воздействием), а то, в какой мере они соответствуют своим первообразам (ἀρχετύποι), т. е. своей истинной природе в платоновском смысле — идее. Поэтому и вопрос о том, в каком смысле имена представляют собой природное сущее, сводится к вопросу, являются ли они непосредственными порождениями φύσει ὄντα в аристотелевском смысле, или же они суть ὄντα κατὰ τεχνην, установленные в соответствии со своими идеальными первообразами, а значит, со своей истинной природой.

Две эти основные точки зрения на имя как на природное сущее репрезентируют, с одной стороны, Эпикур, рассматривающий имена как первоначальные дела природы (ἔργα φύσεως προϋόμμενα), такие же, как голос или зрение, и Кратил и Сократ, полагающие, что имя установлено соответственно природе и сообразно искусству и науке (ἐντέχως καὶ ἐπιστημόνως). Однако тут же выясняется, что и Эпикур, утверждая такую же природность имен, какая присуща действиям и силам (αἱ ἐνέργειαι καὶ δυνάμεις) φύσει ὄντα в аристотелевском смысле, вовсе не отрицает того факта, что имена не просто спонтанно порождаются этими ὄντα, подобно тому как огонь порождает присущую ему легкость и теплоту, но все же устанавливаются, хотя сам процесс такого установления представляет собой «естественное движение» (φυσικόν κίνημα), т. е. некий аффективный акт, ориентированный не на знание сущего, а на внутреннее эмоциональное переживание (т. е. представляет собой в чистом виде манифестацию иного). Таким образом, природа, в соответствии с которой осуществляется такого рода именование, неизбежно оказывается связанной с определенным опытом именователя (который опять-таки всегда есть опыт не тождественного, а иного). Именование, не нуждающееся для своего совершения в науке и искусстве, может быть лишь случайным, зависимым от несводимых к какому бы то ни было рациональному основанию, ориентированных на опыт иного душевных движений. Иначе говоря, подобные имена так и остались бы кашлянием, чиханием, мычанием и стоном, с которыми их, собственно, и сравнивает Эпикур. В лучшем случае имя представляло бы собой простое звукоподражание, при помощи которого нельзя было бы выразить простейшую выходящую за пределы самого примитивного (т. е. телесного, ориентированного исключительно на иное) опыта мысль или эмоцию, что сделало бы невозможной даже самую примитивную intersubjectивную коммуникацию. Сам факт возможности и наличия достаточно сложных коммуникативных взаимоотношений, средой которых является обыкновенный человеческий язык, свидетельствует о том, что язык (и имя как его важнейший структурный элемент) причастен природе иного рода, чем та, которая открывается примитивному, доступному даже животной душе опыту. А для обнаружения такой природы необходимы наука и искусство.

Именно об этой природе говорит, по мысли Прокла, Сократ, когда утверждает, что «имена существуют по природе как порождения научного рассуждения (διανοίας μὲν ἐπιστήμονος ἔκγονα) и являются порождениями не естественного стремления (ὀρέξεως φυσικῆς), а воображающей души (ψυχῆς φανταζομένης), и изначально установленными по возможности соответственно вещам (τοῖς πράγμασι τεθέντα ἐξ ἄρχης κατὰ τὸ δυνατόν). Все имена одинаковы (τὰ αὐτά) по виду (κατὰ τὸ εἶδος), равнозначны (ἔχει μίαν δύναμιν) и существуют по природе, а по материи (κατὰ ὕλην) отличаются друг от друга и существуют по установлению. Ведь по виду они соответствуют (ἔοικε) вещам, а по материи отличаются друг от друга». Смысл науки (знания — ἐπιστήμη) и базирующегося на ее фундаменте искусства (τέχνη — см. «Горгий» о различии искусства и сновидения — ἐμπειρία) состоит в отыскании и последующем воплощении истинной природы сущего. Для такого отыскания необходимо «вынести за скобки» все эмпирическое и обратиться к тому, что составляет его бытийную основу — идее. Руководствуясь вульгарно-феноменалистскими представлениями о сущем, истинной природы не отыщешь. Таким образом, имя есть определенная отысканная (и воплощенная) природа. Именно в этом смысле имена соответствуют вещам (в том смысле, что совокупность имен в их умпостигаемом аспекте структурно эквивалента совокупности вещей, т. е. идей). В таком случае правильность имен не может быть связана с опытом феноменального мира, ибо имя устанавливается (отыскивается) в ходе и в результате критики такого опыта и предоставляемых им данных. Искусство (τέχνη) в таком случае есть процесс установления структурного соответствия между именем (как идеальным означающим) и вещью (в подлинном смысле, т. е. идеей). Именованное, не руководствующееся ἐπιστήμη, т. е. опирающееся на истолкование сущего в феноменалистском смысле, понимающее природу вещи как некий сведенный в единство комплекс чувственных данных (ἡθος), искусством не является, а есть не более чем ἐμπειρία, воплощение сведенного в некое мнение (δόξα) опыта в обладающих таким же статусом, что и этот опыт, а следовательно, существующих иным способом, нежели в соответствии с подлинной природой сущего, феноменах. Таким образом, гарантией природного характера имени является способ его установления, то, чем руководствуется ὄνοματοῦργος, осуществ-

вляя именование: если не знанием (ἐπιότημη), а мнением, то и имя не «природно», а, скажем, «мнимо», т. е. в конечном счете случайно и произвольно.

Поскольку истинной природой вещи является ее идея, эйдос, то и «природное» в подлинном смысле имя вещи соответствует (ἕοικε — подобно, в данном случае структурно эквивалентно) ее идеальному аспекту. «По виду», т. е. по своей истинной природе (а значит, как идеальные означаемые) все имена одинаковы и существуют «по природе», т. е. как структурные моменты всеобщей языковой структуры, тождественной структуре подлинно сущего, т. е. истинной природе всех вещей. Именно такой природный характер имен гарантирует их тождественность и позволяет Проклу устами Сократа утверждать их принципиальную равнозначность (πάντα ὀνόματα ἔχει μίαν δύναμιν — букв. «все имена имеют одно значение или одну силу, потенцию»). Слово δύναμις в этом случае может быть понято двояко: 1) как конкретное лексическое значение слова и 2) как его сила, потенция, условно говоря, семантическая валентность, т. е. возможность быть использованным в той или иной языковой ситуации.

В первом случае оказывается, что все имена (различающиеся между собой «по материи» как означающие) указывают на один и тот же референт, а тот факт, что «в действительности» различны не только сами имена, но и их референты, объясняется тем, что подобно самим именам они также различны «по материи»: ведь множественность вещей (т. е. идей как в подлинном смысле сущего, их «раздробленность бытием») объясняется наличием в бытии, тождественном, его противоположности — иного, материи, в конечном счете небытия. Таким образом, поскольку идеи «по виду», т. е. по своей умопостигаемой сущности суть одно и то же, а различаются лишь «по материи», то и имена («по виду») в конечном счете обладают одним-единственным референтом, тождественным их истинной умопостигаемой природе, что позволяет прийти к заключению, что и само имя «по виду» есть одно-единственное имя, а множественность имен (причем именно в их идеальном аспекте) обеспечивается наличием в них, как и в самих вещах, природы «иного» — материи как принципа индивидуации единого и тождественного.

Во втором случае речь идет о внутренней структуре имени: взятые в аспекте идеального означаемого, имена обладают равным

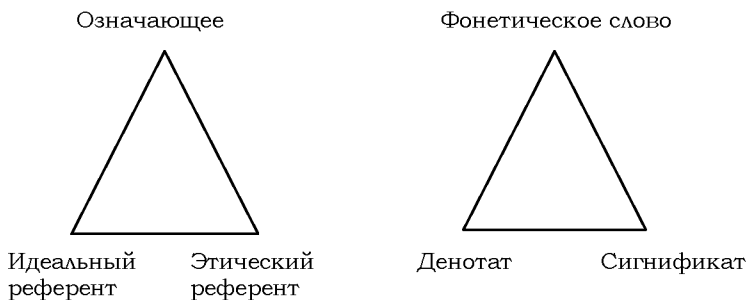
онтологическим статусом и в равной мере могут использоваться в диалектическом рассуждении, образуя тем самым инструментарий диалектика (учрежденные в соответствии с ἐπιστήμη, они сами используются в ἐπιστήμη, служат науке, знанию, отысканию сущего). По материи же, т. е. по своему внешнему, доступному чувствам облику (который и определяется наличием в нем материального элемента, т. е. иного), они различны, ибо материя, иное, сама по себе представляет собой чистую множественность, что позволяет использовать имена для обозначения уникальных, единичных объектов. Однако как в первом, так и во втором смысле, равносильность (равнозначность) имен по их «виду» означает, что равный онтологический статус означаемых в конечном счете свидетельствует об их равном семантическом статусе. Ибо в любом случае любое имя «по виду» (как означаемое) равносильно любому другому имени, а значит вполне может занять его место. Если же этого не происходит, то причиной этого является не «вид» имени, а его «материя», т. е. наличествующее в каждом сущем иное.

Таким образом, причиной различия имен является наличествующее в них иное. Причем это иное наличествует как в означающем, так и в означаемом, как в идеальном, так и в «этическом» референте, хотя и в разной степени. Но если во всех означаемых степень наличия иного одинакова (поэтому в аспекте означающего все имена имеют одну силу, а в конечном счете одно значение, т. е. всю структуру подлинно сущего в целом), то в каждом означающем она различна, чем объясняется существование более и менее «правильных» имен. Кроме того, именно «по материи», т. е. в силу воздействия иного, имена существуют по установлению в смысле установления, не ориентированного на природу, а осуществляющегося произвольно, в соответствии с волей именователя, а следовательно, исходящего из иных оснований, нежели знание подлинных оснований сущего. Это означает, что имя как совокупность означаемого и означающего, как феномен, с которым мы сталкиваемся в своей повседневной жизни и в то же время как репрезентант некоей более высокой в онтологическом смысле сущности, нежели доступная чувствам вещь, учреждается «по природе» сразу в двух смыслах этого понятия: в результате ориентированной на сверхэмпирическое сущее науки (ἐπιστήμη) и в результате интерпретации определенного чувственного опыта (ἐμπειρία).

В конечном итоге основополагающая формула Прокла о двойном — природном и конвенциональном — происхождении имени может быть сведена к следующим, развивающим ее положениям: 1) Имя существует «по виду» (как означаемое) и «по материи» (как означающее), т. е. в имени можно выделить два основополагающих структурных момента, существующих каждый различным способом: означаемое — идеальный, независимый от внешнего облика имени его аспект существует по природе; означающее — фонетический комплекс, внешний облик имени существует по установлению. 2) Однако в то же время и означаемое обнаруживает несомненную двойственность: «по виду», т. е. по идее, оно существует по природе, а «по материи» оно устанавливается в соответствии с научным рассуждением, а следовательно, также существует по установлению. 3) И наконец, означающее, существующее «по материи» как произвольно, т. е. в соответствии не с научным рассуждением, а с определенным опытом, установленное, в то же время существует и «по виду», т. е. по природе, но по природе не в смысле идеи, а в смысле своей детерминированности этим самым опытом, который, в свою очередь, определен особой, отличной от идеи природой вещей, обозначенной нами как $\eta\theta\sigma$.

Нетрудно заметить, что в данной схеме «этический» референт (как языковой эквивалент $\eta\theta\sigma$) отнесен не к сфере означаемого, как того следовало бы ожидать, если придерживаться современного взгляда на языковой знак, а к сфере означающего, но это находит свое объяснение в фундаментальном для платонизма разрыве между миром опыта и его сверхэмпирическом основанием — структурой подлинно сущего. Если означаемое (понимаемое как идеальный референт) определено природой тождественного, то означающее определено опытом, т. е. природой иного, которой в конечном счете определяется и $\eta\theta\sigma$. «Этический» референт связан с телесно-чувственным аспектом имени самым непосредственным образом, тогда как его связь с идеальным референтом опосредована как самим именем, так и вещью в ее эмпирическом аспекте. В этом смысле вполне возможно сопоставить схему «означающее — этический референт — идеальный референт» со схемой, принятой современной лингвистикой, «фонетическое слово — сигнификат — денотат», если понимать под денотатом референт как «саму обозначаемую вещь», под сигнификатом «смысл»

слова, а под «этическим референтом» не саму вещь, а ее $\hat{\eta}\theta\omicron\varsigma$, сведенную в единство совокупность ее признаков — «действий».

В таком случае подлинным референтом будет сама вещь в ее истинном смысле, т. е. идея, а $\hat{\eta}\theta\omicron\varsigma$ — его сигнификатом, т. е. формируемым на основе опыта и не выходящим за его пределы смыслом. Тогда задача диалектика будет состоять в том, чтобы, минуя сигнификат (подвергнув его предварительно феноменологическому критическому вынесению за скобки), добраться до денотата и оперировать в своих рассуждениях «самими вещами», т. е. настоящими, подлинными референтами, а не ложными смыслами. И именно такую деятельность осуществлял Сократ ($\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$), будучи хранителем сил души ($\sigma\omega\tau\acute{\eta}\rho\alpha\ \tau\omicron\upsilon\delta\ \kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \psi\upsilon\chi\eta\varsigma$), т. е. логоса, и не давая себя увлечь ощущениям.